

Бледные губы плотно сжаты, в угольно-черных глазах мелькнула тень боли.

Он просто не мог представить, остался бы жив, если бы не ненависть, поддерживающая его.

Наверное, нет. Поэтому он твердо решил не поддаваться жалости.

Он одернул рукав, скрывая пугающие следы, и попытался сползти с кровати. Видимо, он только что очнулся, тело было еще слабым, ноги подкосились, и он снова рухнул на постель.

Гу Чжо как раз поднялся наверх с миской каши из кухни и застал его в этот самый момент.

Забыв закрыть дверь, он поспешил к кровати:

— Зачем ты встал? Ложись скорее.

Гу Шэн даже не поднял головы, полностью игнорируя его присутствие. Длинные ресницы скрыли смущение в глазах.

Однако тело не обманешь: когда его застали в таком неловком положении, внутри возникло странное, необъяснимое чувство. Кончики ушей окрасились в розовый цвет, придавая ему особенно невинный вид.

— Я принес тебе каши, поешь немного, — Гу Чжо протянул руку, предлагая миску.

От каши еще исходил пар, и вместе с тонким ароматом, проникшим в ноздри, кадык Гу Шэна невольно дернулся.

Как давно, сколько времени прошло с тех пор, как он ел нормальную еду?

Но человек, дающий ему пищу — это тот самый, кто превратил его в это жалкое подобие человека. Как же это смешно.

Он с силой зажмурился и взмахнул рукой. Миска описала в воздухе красивую дугу и встретила с коричневым деревянным полом. В мгновение ока она разлетелась на куски, каша разлилась повсюду, кое-где брызнув на них обоих.

В комнате воцарилась странная тишина.

Гу Шэн пошевелил губами, но в итоге ничего не сказал. Его руки, сжатые в кулаки по бокам, напряглись так сильно, словно он перестал чувствовать боль, а вены на тыльной стороне ладоней вздулись.

— Тебе не нравится эта? Я схожу за другой, — невозмутимо произнес Гу Чжо.

— Я не буду есть. Ты слепой? Хватит разыгрывать жалость, кошка оплакивает мышь! Мне, Гу Шэну, не нужно ваше сочувствие, ни в этой, ни в какой другой жизни. Убирайся.

— Если не будешь есть, твое тело не выдержит.

— Свое тело я знаю сам, не лезь не в свое дело.

По сравнению с яростным рыком Гу Шэна, Гу Чжо выглядел на удивление спокойным.

— Чжо Чжо, ты совсем не злишься? — Гугу невольно стало любопытно. Ему было жаль Чжо Чжо: ведь это не он совершил всё то зло, но теперь именно ему приходится принимать на себя весь гнев.

— Нет, не злюсь. Разве ты не говорил, что моя задача — подружиться с ним? Разве друзья могут ссориться?

Это звучало так логично, что Гугу вдруг не нашлось, что возразить, и он решил оставить эту тему.

— Ты только что очнулся, не злись.

Внезапно Гу Шэн застыл. Он медленно, сантиметр за сантиметром, перевел взгляд на предплечье, протянутое к нему, и почувствовал прикосновение к своим волосам. Гу Чжо, казалось, даже слегка их погладил.

— Я схожу вниз, посмотрю, что еще можно поесть.

Увидев, что Гу Шэн затих, Гу Чжо убрал руку, чувствуя легкое сожаление: его волосы было очень приятно трогать, они оказались такими мягкими.

Это был первый раз за долгое время, когда он вступил в такой тесный контакт с человеком, и, как оказалось, он совсем не был против.

Гу Чжо уже дошел до двери, как вдруг позади послышался голос Гу Шэна:

— Разве ты не ненавидишь меня?

В детстве тот немало издевался над ним.

— Не ненавижу.

Не ненавидишь?..

Как такое возможно? Губы Гу Шэна сжались еще сильнее.

— Я не ненавижу тебя. Есть немного вины, но гораздо больше желания относиться к тебе хорошо. И в будущем тоже.

Вероятно, решив, что длинные объяснения — это слишком утомительно, Гу Чжо прямо выразил свою позицию и, не оборачиваясь, вышел из комнаты.

Желание относиться к тебе хорошо, и в будущем тоже...

Значит ли это, что он будет заботиться о нем и дальше?

В его спокойном, как озеро, сердце, словно бросили камешек, и по воде пошли едва заметные круги.

<http://bllate.org/book/18601/1791243>